

Студенческий
юридический
научный
журнал

Выпуск № 1
I квартал 2020 г.

Главный редактор

1. **ПЕТРАКОВ Андрей Юрьевич** – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель Московского отделения Российского союза молодых ученых

Редакционная коллегия

2. **БАТТАХНОВ Петр Петрович** – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права Российской академии наук;

3. **ВОРОНИН Максим Валерьевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

4. **ДОРОГИН Дмитрий Александрович** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

5. **ЕФИМОВ Анатолий Викторович** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права, заместитель декана очного юридического факультета Российского государственного университета правосудия;

6. **ЗАПЛАТИНА Татьяна Сергеевна** – кандидат юридических наук, ведущий юрист CASHOFF LIMITED;

7. **ЗОЛАЕВ Эльси Арсланович** – кандидат юридических наук, полуфиналист конкурса управленцев «Лидеры России 2020»;

8. **КИРИЛЛОВА Лариса Сергеевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса, руководитель направления магистратуры Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета;

9. **КОНДРАТЬЕВ Владимир Александрович** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия;

10. **МАЛЮТИН Никита Сергеевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

11. **ОБОРОВ Александр Сергеевич** – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;

12. **САЛИЯ Марианна Романовна** – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации;

13. **СЛАДКОВА Анастасия Вячеславовна** – кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Правления Национальной ассоциации административистов;

14. **СТРЕЛКОВА Юлия Владимировна** – кандидат юридических наук, преподаватель, преподаватель-исследователь, адвокат АП г. Москвы (Адвокатское бюро «Сословие»);

15. **СТУКАЛОВ Алексей Сергеевич** – преподаватель. преподаватель-исследователь, партнер Московской коллегии адвокатов «Феникс»;
16. **СЮРМЕЕВ Константин Евгеньевич** – кандидат юридических наук, юрист юридической фирмы Flightman & Priest;
17. **ТРОФИМОВ Альберт Алексеевич** – преподаватель кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета;
18. **ТЮЛЕНЕВ Илья Вячеславович** – старший консультант юридической фирмы «Каменская & партнеры»;
19. **ФРОЛОВА Екатерина Константиновна** – кандидат юридических наук, юрисконсульт ООО «Инвестиционная группа С.А. и К.» (комплексное управление проектами в области инженерно-технического проектирования, промышленности и строительства);
20. **ЩЕПАНСКИЙ Иван Сергеевич** – кандидат юридических наук, доцент департамента дисциплин публичного права Высшей школы экономики.

Выпускающий редактор Оганесов Артур

Исполнительный редактор Крупкин Павел

Художественный редактор Шапортов Дмитрий

Технический редактор Айрапетов Никита

Периодичность ежеквартально

Распространение журнал распространяется бесплатно через Интернет

Сайт <https://www.сфера-права.рф>

Электронная почта info@сфера-права.рф

Телефон +7 (995) 884-15-99

В случае использования статей, опубликованных в журнале, ссылка на источник обязательна. Перепечатка материала возможна только по согласованию с редакцией. Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Содержание:

Андреева П.М. Помолвка в нотариальной практике: отечественный и зарубежный опыт	7
Козловец Д.В. Нотариальное удостоверение брачного договора	10
Исаева Г.А. Цифровая компетентность юристов как условие автоматизации договорных отношений в бизнесе	13
Казимир А.А. Учредительный договор – соглашение о разделе имущества?	16
Тимофеева А.А. Двойные стандарты или почему нет ответственности за нарушение адвокатской тайны?	19
Звонарев А.А. Бинарные опционы: проблемы правового регулирования...	22
Кортиашвили Н.В. Ответственность участника общества перед участником	25
Махрина М.Г. Принцип конфиденциальности в международном коммерческом арбитраже	29
Петрушевский Ю.А. Групповые иски в гражданском процессе: перспективы, проблемы, анализ зарубежного опыта.....	33

О VI СТУДЕНЧЕСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ФОРУМЕ

СЛАДКОВА
Анастасия Вячеславовна

Председатель оргкомитета VI Студенческого юридического форума, канд. юрид. наук, заместитель заведующего кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

✉ avsladkova@msal.ru

ОГАНЕСОВ
Артур Владимирович

Руководитель оргкомитета VI Студенческого юридического форума, студент 4 курса Международно правового института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

✉ arturoganesov1911@gmail.com

В 2019 году Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в шестой раз провел Студенческий юридический форум. Темой Форума этого года стало «Право в цифровом мире».

По традиции Форум принимал студентов со всех уголков нашей страны. Почти 1000 студентов из 60 университетов России приняли участие в VI Студенческом юридическом форуме. Поэтому мы можем смело заявить, что наш Форум стал одной из самых масштабных студенческих научных площадок в сфере права.

Формат Форума уникален: в течение 3 дней участники обсуждали на 35 круглых столах актуальные проблемы цифровизации в российском и международном праве, получали практические навыки на 22 мастер-классах и участвовали в 5 модельных судебных процессах.

Участники круглых столов, чьи научные работы прошли конкурсный отбор, вели живую научную дискуссию совместно с приглашенными гостями-практиками и научными руководителями из числа профессорско-преподавательского состава Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Традиционно мы выбирали победителей круглых столов по каждой обсуждаемой теме, и в этом году помимо призов от наших партнеров и спонсоров у молодых ученых появилась уникальная возможность опубликовать свою научную статью в студенческом юридическом научном журнале «Сфера права», издаваемом при поддержке Московского отделения Российского союза молодых ученых. Мы еще раз хотим поздравить всех победителей VI Студенческого юридического форума и пожелать им больших успехов в юридической науке и карьере.

У участников Форума, помимо возможности выступить на круглых столах, во второй день работы мероприятия была возможность принять участие в разнообразных мастер-классах, где со студентами делились опытом и знаниями партнеры ведущих юридических фирм, адвокаты, представители науки. Темы практических семинаров раскрывали всю палитру специализаций в юридической науке и практике: от

законотворчества до LegalTech, от криминалистики до международного коммерческого арбитража, от банкротства до защиты авторских прав. Каждый студент вне зависимости от курса и специализации мог выбрать интересующий его мастер-класс, и получить бесценные знания.

Подводя итог, хочется отметить, что Студенческий юридический форум – это неповторимый опыт для каждого студента-юриста. Форум предоставляет уникальную возможность продемонстрировать свои знания, навыки, умения, обменяться опытом и приумножить имеющийся интеллектуальный капитал в области юриспруденции. Студенты обмениваются мнениями по самым животрепещущим правовым вопросам, учатся аргументированно отстаивать свою позицию, общими усилиями находить решение проблемы. Многие участники модельных процессов или «муткортов» именно на Форуме получают свой первый опыт публичного судебного выступления, а юристы и партнеры ведущих юридических фирм делятся со студентами ценными советами.

Мы хотим выразить признательность и искренне поблагодарить каждого, кто принял участие в Форуме – это самих обучающихся (от бакалавриата до аспирантуры), научных руководителей, гостей из числа практиков: юристов, партнеров, спонсоров, ректорат Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Ассоциацию студентов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и команду организаторов Форума. Вы проделали большую работу, потратили много своего времени и сил, что, несомненно, заслуживает уважения.

ПОМОЛВКА В НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

АНДРЕЕВА
Полина Михайловна

студент 1 курса магистратуры Института частного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

✉ andreeva.polina@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется помолвка как институт в различных правовых порядках (Германия, Канада, Франция), регулирование добрачных отношений в дореволюционной и в современной России, а также последствия введения института помолвки в России.

Ключевые слова: нотариус, помолвка, свадьба, обручение.

” **Для цитирования:** Андреева П.М. Помолвка в нотариальной практике: отечественный и зарубежный опыт // Сфера права. 2020. № 1. С. 7–9

Помолвка, или обручение, как институт и обычай был известен российскому праву очень длительное время. Дореволюционные цивилисты по-разному отмечали роль помолвки при заключении брака. К.П. Победоносцев указывал, что данный институт пришел на Русь от греков, причем именовалось соглашение о помолвке брачным договором или договорным соглашением о браке, за нарушение которого могла быть предусмотрена неустойка. Споры, связанные с неисполнением договора, подлежали рассмотрению церковной властью. Указом от 1702 года Петр I ввел запрет на неустойку в таких договорах, и постепенно юридическая значимость соглашений сошла на нет¹.

Д.И. Мейер, профессор Петербургского университета, в учебнике по русскому гражданскому праву описывал «обручение или помолвку как соглашение о заключении брака, <...>, точно так же, как запродажа есть соглашение о будущем заключении купли-продажи. <...> Известно, что нередко исполнение обручения, как и всякого другого договора, обеспечивалось весьма значительной неустойкой, так что, если которая-либо сторона уклонялась от заключения брака, она обязана была удовлетворить противную сторону неустойкой»².

В настоящее время помолвка, или обручение, не обладает никаким юридическим характером и никоим образом не связывает стороны. При этом многие ученые отмечают³, что в советское время концепция о введении института помолвки и возникающих из нее обязательств поддерживалась таким правоведом, как Н.Г. Юркевич.

Однако стоит отметить, что помолвку можно рассматривать не только как договорный институт, как он был известен российскому праву, но и как публичное оглашение лицами намерений вступить в брак. В таком виде аналогичные институты свойственны и другим правовым системам. Например, в Квебеке, франкоязычной провинции Канады, уведомление о предстоящей свадьбе должно быть опубликовано за

¹ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные // Классика российского права (проект компании «КонсультантПлюс» при поддержке издательства «Статут» и Юридической научной библиотеки издательства «Спарк». URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_82.html (дата обращения: 12.10.2019).

² Мейер Д.И. Русское гражданское право // Классика российского права (проект компании «КонсультантПлюс» при поддержке издательства «Статут» и Юридической научной библиотеки издательства «Спарк». URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_82.html (дата обращения: 12.10.2019).

³ Левушкин А.Н. Семейное право в нотариальной практике. – Москва, 2018. С. 210.

20 дней до церемонии на официальном сайте органов регистрации гражданского состояния (статьи 368-369 Гражданского кодекса Квебека (далее – ГК Квебека))⁴. При этом если брак не был заключен в течение 3 месяцев, начиная с двадцатого дня публикации, то необходимо вновь подать уведомление в уполномоченный орган (статья 371 ГК Квебека). Нотариусы, обладающие полномочиями, также принимают участие в процедуре регистрации брака, заверяя публичное совершение брака и направляя документы регистратору (статья 376 ГК Квебека).

Аналогичные нормы, предусмотренные ГК Квебека, зафиксированы в законах Франции (статья 63 Гражданского кодекса Франции⁵), Голландии (уведомление о вступлении в брак - *melding voorgenomen huwelijk*, статья 44 Гражданского кодекса Нидерландов⁶).

Наиболее ярким примером развития данного института является Германское гражданское уложение (далее – ГГУ). В данном акте понятие «помолвка» используется в качестве правовой категории. Помолвка представляет собой договор, по которому мужчина и женщина, именуемые с этого момента женихом и невестой, обещают вступить в брак друг с другом, при этом обязательным требованием является публичное оглашение⁷. Регулированию отношений, возникающих из помолвки, посвящен раздел 1 части 1 книги 4 ГГУ, при этом с помолвкой законодатель связывает и возможные материальные последствия, например, в виде обязанности предоставить возмещение в случае отказа от помолвки (параграф 1297), обязанности вернуть подарки (параграф 1301).

На данный момент многие ученые (например, И.А. Косарева⁸, П.А. Якушев⁹) полагают, что в России необходимо возродить институт помолвки, в котором большую роль будут играть нотариусы как лица, уполномоченные удостоверить помолвку¹⁰.

Какие могут быть положительные стороны в случае введения данного института в нашу правовую систему? По мнению автора, это позволит гражданам более добросовестно и разумно подходить к вопросам заключения брака. В таком случае ситуация, когда один из будущих супругов внезапно отказывается вступать в брак, а другая сторона уже внесла большой материальный вклад в их совместный быт (данный иск был рассмотрен в Хабаровском крае; истцу в удовлетворении требований было отказано¹¹), будет достаточно редка.

Однако есть и минусы у таких нововведений. При помолвке стороны еще не находятся в правоотношениях друг с другом, поэтому, например, обязательство выплатить неустойку, как предусмотрено в ГГУ, нарушает личные неимущественные права граждан на свободу вступления в брак. Кроме того, как отмечает О.Ю. Ильина, «отношения, складывающиеся между мужчиной и женщиной после подачи заявления о регистрации брака, не являются правовыми и не входят в предмет семейно-правового

⁴ CCQ 1991 – Code civil du Quebec // URL: http://legisquebec.gouv.qc.ca/fr/showdoc/cs/CCQ-1991?langCont=fr#ga:l_deuxieme-gb:l_premier-h1 (дата обращения: 12.10.2019).

⁵ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). – М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 592.

⁶ Burgerlijk Wetboek Boek 1 (Гражданский кодекс Нидерландов) // URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0002656/2019-01-29> (дата обращения: 12.10.2019).

⁷ Левушкин А.Н. Семейное право в нотариальной практике. – Москва, 2018. С. 210.

⁸ Косарева И.А. Правовое значение действий, предшествующих бракосочетанию (нужен ли в России институт помолвки или следует ли возродить обручение) // «Бюллетень нотариальной практики». 2007. № 2. С. 10–14.

⁹ Якушев П.А. Обещание вступить в брак и последствия его невыполнения: пределы правового регулирования в России и странах Европы // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 22–25.

¹⁰ Левушкин А.Н. Семейное право в нотариальной практике. – Москва, 2018. С.218.

¹¹ Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 20 августа 2014 г. по делу № 33-4902/2014 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

регулирования. В связи с чем принятые ими на себя обязательства имеют морально-нравственное, а не правовое значение»¹².

Таким образом, данный институт в настоящее время не находит своего отражения в законодательстве РФ. Есть ли в нем необходимость – вопрос достаточно сложный, однако в случае его появления в российском праве автор полагает наиболее верным введение нормы о нотариальном удостоверении помолвки с последующим публичным его оглашением.

Библиографический список:

1. Ильина О.Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейное и жилищное право. 2006. № 4. С. 30–35.
2. Косарева И.А. Правовое значение действий, предшествующих бракосочетанию (нужен ли в России институт помолвки или следует ли возродить обручение) // «Бюллетень нотариальной практики». 2007. № 2. С. 10–14.
3. Левушкин А.Н. Семейное право в нотариальной практике. – Москва, 2018. 334 с.
4. Мейер Д.И. Русское гражданское право // Классика российского права (проект компании «КонсультантПлюс» при поддержке издательства «Статут» и Юридической научной библиотеки издательства «Спарк». URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_82.html (дата обращения: 12.10.2019).
5. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные // Классика российского права (проект компании «КонсультантПлюс» при поддержке издательства «Статут» и Юридической научной библиотеки издательства «Спарк». URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_82.html (дата обращения: 12.10.2019).
6. Якушев П.А. Обещание вступить в брак и последствия его невыполнения: пределы правового регулирования в России и странах Европы // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 22–25.

¹² Ильина О.Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейное и жилищное право. 2006. № 4. С. 30–35.

НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ БРАЧНОГО ДОГОВОРА

КОЗЛОВЕЦ
Данил Викторович

студент 4 курса Института прокуратуры
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

✉ dankozmsal@mail.ru

Аннотация. В статье освещается механизм нотариального удостоверения брачного договора как разновидности семейно-правовых сделок. Поиск баланса частного и публичного обусловил неповторимость и многогранность института нотариата, который призван упорядочить сферу семейно-правовых отношений. Автор приводит данные, согласно которым в России с каждым годом увеличивается количество заключенных брачных договоров. Однако на практике зачастую складываются ситуации, когда нотариусы удостоверяют незаконные контракты. Решение этой проблемы, очевидно, видится в совершенствовании правоприменительной практики. Приводятся положения высших судов, раскрывающих и уточняющих нормы Семейного кодекса РФ о крайне невыгодном положении одного из супругов. Автором затронуты теоретические вопросы, связанные со сложностями, возникающими в процессе удостоверения нотариусом брачных договоров. Следует иметь в виду, что обеспечение эффективности в защите прав граждан в семейно-правовых отношениях, невозможно без дальнейшего совершенствования деятельности нотариата.

Ключевые слова: брачный договор, нотариус, нотариат, супруги, нотариальное удостоверение брачного договора, семейно-правовая сделка.

Для цитирования: Козловец Д.В. Нотариальное удостоверение брачного договора // Сфера права. 2020. № 1. С. 10–12

С принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. была закреплена высшая ценность прав и свобод человека и гражданина, признание, соблюдение и защита которых выступили обязанностью для демократического федеративного правового государства. Становление механизмов правового регулирования неразрывно связано с деятельностью составляющих государство и общество институтов, многие из которых оказали значительное влияние на существо складывающихся в обществе отношений. Зародившийся в Риме институт нотариата постепенно оформлялся в известный всему миру нотариат латинского типа. Следует сказать, что нотариат будучи уникальным правовым институтом прошел путь длительного исторического развития: с зарождения нотариальной деятельности в России X-XI в. до происходящих в настоящее время серьезных реформ нотариального законодательства. Поиск баланса между частным и публичным определил неповторимость и многогранность института нотариата, который призван обеспечивать в соответствии с Конституцией РФ, конституциями (уставами) субъектов РФ, Основами законодательства РФ о нотариате защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации¹³. Одной из наиболее центральных сфер деятельности нотариата является сфера семейно-правовых отношений, в рамках которых упорядочиваются общественные отношения, формируется режим законности и поддержания правопорядка. В настоящее время увеличивается количество нотариально удостоверенных брачных соглашений, связанных с заключением брачного договора. Несмотря на то, что брачный договор долгое время не был распространен в российской нотариальной практике, число случаев заключения

¹³ «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Ведомости СНД и ВС. 11.03.1993. № 10. Ст. 357.

таких договоров неуклонно растет. Это прежде всего связано с расширением круга объектов права собственности граждан. Брачные договоры заключаются преимущественно в состоятельных семьях, однако нередки случаи такого оформления между людьми среднего достатка. Согласно данным Федеральной нотариальной палаты за 2018 год было зарегистрировано более 110 тысяч брачных договоров, что в 4 раза больше, чем за предыдущие 4 года. Такая тенденция, по мнению экспертов, направлена не на ущемление либо ограничение прав супругов, а на придание стабильности и предсказуемости имущественных отношений. С июля 2014 года начала функционировать единая электронная база нотариата, которая ввела реестр брачных договоров. Регистрация договоров в единой информационной системе установила гарантию безопасности института брака от мошеннических действий, утаиваний информации о ранее заключенных брачных контрактах.

Первое упоминание о возможности заключить договор о порядке владения имуществом в современном российском законодательстве дается в ст. 256 ГК РФ, согласно которой супругам предоставлено право с помощью брачного договора изменить или скорректировать режим совместной собственности. В статье 40 СК РФ раскрывается определение брачного договора как соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения. Законодатель установил нотариальную форму такого договора, поскольку стремился придать отношениям сторон необходимую определенность, снять основания для споров в будущем относительно факта заключения договора и его содержания, а также обеспечить соответствие брачного договора требованиям закона. Таким образом, можно выделить две главные задачи в нотариальном удостоверении брачного договора: 1) обеспечение соответствия воли волеизъявлениям сторон 2) обеспечение неукоснительного соблюдения императивных норм права. В силу ст. 16 Основ законодательства РФ о нотариате на нотариуса возложена обязанность по содействию в реализации прав на заключение брачного договора, его понимании, последствиях включения в него тех или иных условий. Очевидно, что удостоверение брачного контракта призвано оградить супругов от будущих споров, возникающих как в период существования брака, так и в период его расторжения¹⁴. Исходя из п. 2 ст. 44 СК РФ установлен запрет на включение в брачный договор положений, ставящих одного из супруга в крайне невыгодное положение, которые могут быть признаны недействительными по требованию этого супруга. В п. 15 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» приведен пример крайне неблагоприятного положения, когда один из супругов полностью лишается права собственности на имущество, нажитое супругами во время брака. Примечательно, что закон не раскрывает признаков крайне неблагоприятного положения участника брачного договора, что в известной степени является основанием для злоупотребления правом. Это прослеживается в требованиях супругов о признании недействительности брачного договора в случае, если они лишаются единственного автомобиля, жилплощади, накоплений на их банковском счете. На наш взгляд, это не может рассматриваться в качестве основания признания брачного контракта недействительным, поскольку сторона заранее знала о его условиях. Однако на практике многие выбирают приведение суду расплывчатой формулировки своего крайне неблагоприятного положения в брачном договоре, нежели чем добросовестно исполнить его. На основании Определения Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 18-КГ16-10 можно сделать вывод, что крайне неблагоприятное положение не может наступать вследствие несоразмерного раздела имущества.

¹⁴ Антропова И.Р. Нотариальное удостоверение брачного договора // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. Вып. 2. С. 114–118.

Нотариус, удостоверяя брачный договор, обязан в соответствии со ст. 54 Основ законодательства РФ о нотариате разъяснять смысл и значение представленных ему проектов договоров, а также установить соответствие содержания контракта действительным намерениям сторон. Это должно быть отражено в составляемом соглашении, поскольку отсутствие в договоре указаний на то, что он был прочитан вслух нотариусом, прочитан сторонами лично, что нотариус разъяснил сторонам основные положения об их правах и обязанностях, последствиях заключения брачного договора и что эти положения им понятны могут рассматриваться в качестве основания для признания договора недействительным в связи с нарушением требований действующего законодательства о его нотариальном удостоверении (Апелляционное определение Московского городского суда от 12.01.2016 по делу № 33-0146/2016). Соблюдение простой письменной формы договора в период с 1 января 1995 года до 1 марта 1996 года было достаточным для признания юридической силы выраженного в соглашении волеизъявления, поскольку ГК РФ не устанавливал на тот момент обязательную нотариальную форму брачного договора. Отсутствие законодательного определения «лиц, вступающих в брак», обусловили возникновение дискуссии о необходимости предоставлении нотариусу справки, подтверждающей подачу заявления о заключения брака. Такая позиция является ошибочной, поскольку законодательство не устанавливает обязанности подачи нотариусу справки для нотариального удостоверения брачного договора. Фактически лица могут заключить неограниченное количество брачных контрактов одновременно. Однако действие договора начнется тогда, когда лицо вступит в брак. В науке предлагают ограничить срок действия нотариально удостоверенного брачного договора в течение одного месяца с момента подачи заявление о регистрации брака в органы ЗАГС, исходя из общего срока регистрации брака¹⁵. Также в содержание брачного контракта не могут быть включены условия о приватизации жилого помещения, поскольку указанные отношения не относятся к имущественным отношениям супругов и регулируется отдельным Законом «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». До сегодняшнего дня в законодательстве Российской Федерации отсутствует механизм проверки дееспособности физического лица при осуществлении нотариальных действий в целях определения степени адекватности психического состояния участников брачного договора, наличия ограничений или лишений дееспособности. Следует также отказаться от практики нотариусов по удостоверению брачных договоров по доверенности стороны, поскольку к таким соглашениям в силу их лично-доверительного характера можно применить п. 4 ст. 182 ГК РФ, устанавливая обязанность совершения такой сделки лично.

Без всяких сомнений, нотариат остается ведущим институтом в регулировании семейно-правовых отношений, обеспечивающим равную правовую защиту сторон брачного договора путем правильного определения содержания договора и процедуры его заключения. Дальнейшая регламентация его деятельности, исключения коллизий повысят качество нотариального удостоверения соглашений, обеспечат более высокий уровень защиты прав граждан.

Библиографический список:

1. Антропова И.Р. Нотариальное удостоверение брачного договора // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. Вып. 2. С. 114–118
2. Ламейкина Е.Ю. Право собственности супругов в современном российском законодательстве и роль нотариата в его осуществлении. // Нотариус. 2015. №1. С. 17–19

¹⁵ Ламейкина Е.Ю. Право собственности супругов в современном российском законодательстве и роль нотариата в его осуществлении // Нотариус. 2015. №1. С. 17–19.

ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ЮРИСТОВ КАК УСЛОВИЕ АВТОМАТИЗАЦИИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БИЗНЕСЕ

ИСАЕВА
Гюнел Абид кызы

студент 4 курса Института правового консалтинга
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

✉ miraweber777@gmail.com

Аннотация. Правовое сопровождение бизнеса является одной из основных гарантий успешного развития предприятия. Новизна и стремительное развитие цифровых технологий объективно подталкивает каждого юриста к освоению цифровой среды, особенно данный вопрос актуален в процессе автоматизации договорных отношений, однако возникает вопрос: насколько юрист должен быть компетентен в сфере программирования? Так появляется новое требование к компетентности юриста – цифровая грамотность, которая включает в себя цифровую компетентность.

В настоящей статье представлены подходы к анализу автоматизации договорных отношений, на основании чего представлена классификация в зависимости от глубины и степени автоматизации. Выделение соответствующих критериев обуславливает качественные требования к цифровой компетентности юристов, что приводит к необходимости освоения дополнительно технического образования. Автором представлена точка зрения на вопрос о слиянии профессий юрист и программист под влиянием тенденций к цифровизации, также на основании анализа дано понятие цифровой компетентности юристов, представлены критерии, от которых будет зависеть конкретные требования к цифровой компетентности юристов.

Ключевые слова: цифровизация, автоматизация, бизнес, цифровая компетентность юристов, цифровая грамотность, правовое сопровождение бизнеса, цифровизация юридической профессии, договорная деятельность, цифровая экономика.

”

Для цитирования: Исаева Г.А. Цифровая компетентность юристов как условие автоматизации договорных отношений в бизнесе // Сфера права. 2020. № 1. С. 13–15

В настоящее время цифровая трансформация происходит во всех сферах жизни общества. Глубокие изменения в условиях четвертой промышленной революции переживает экономика и, как следствие, бизнес. По мнению Томаша Боченека, президента Microsoft в России, «основной задачей цифровой трансформации является радикальное повышение эффективности деятельности компаний, индустрий стран. Цифровая трансформация меняет традиционные бизнес-модели, появляются совершенно новые игроки в устоявшихся областях экономики»¹⁶.

Одним из направлений цифровизации предпринимательской деятельности является переход к автоматизации договорных отношений. При этом в развитии данных процессов значительную роль играет правовое сопровождение бизнеса как гарантия защищенности контрагентов.

Видится целесообразным уделить внимание требованиям к цифровой компетентности юристов как одному из условий автоматизации договорных правоотношений, поскольку в условиях становления цифровой экономики первичным элементом в процессе создания и расширения бизнеса является налаживание договорных отношений с контрагентами. В настоящее время субъекты предпринимательской деятельности стремятся к ускорению и упрощению процессов коммуникации,

¹⁶ Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса. Отв. ред. Д.С. Медведев, директор Института менеджмента инноваций НИУ ВШЭ. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37662544> (дата обращения: 13.10.2019).

мобилизации информационных ресурсов. Грамотное правовое сопровождение бизнеса позволит достичь успешных результатов в сравнительно короткие сроки, а также создаст благоприятные условия для выхода большего количества отечественных производителей на международный уровень.

В рамках данной статьи автоматизация понимается в широком смысле. Она включает в себя внедрение цифровых технологий и инструментов как во все стадии и процессы формирования договорных правоотношений, так и в процессы по управлению договорами внутри компании. Так, в зависимости от применяемой области можно выделить:

1) автоматизацию управления договорной деятельностью, что предусматривает внедрение автоматизированной системы управления договорами, обеспечивающей хранение и оперативное управление информацией о договорах и контрагентах компании в электронном виде¹⁷;

2) автоматизацию процессов заключения договоров, предполагающую соблюдение электронной формы при заключении договора и установлении его существенных условий, подтверждения и фиксации волеизъявления сторон, применения электронных средств и технологий посредством внедрения смарт-контрактов, электронной цифровой подписи и т.д.

Еще одним значимым основанием для классификации необходимо определить степень автоматизации договорных отношений. Так, можно выделить «полную» и «частичную» автоматизацию. В рамках «полной» автоматизации заключение самого договора, определение его условий и исполнение происходит в рамках цифровой программы. При «частичной» автоматизации часть условий прописывается в программе, а другая часть – на бумажном носителе.

Информационные технологии являются ядром цифровой среды – понятия, «которое основано на наличии некоторого количества концептов, имеющих не гуманитарное измерение, а естественно-научное или математическое. Если мы спросим, что такое цифровая среда как явление, то мы можем ее довольно просто описать через три понятия – это данные, которые закодированы в двоичной системе, это алгоритмы, это программное обеспечение»¹⁸.

Настоящие тенденции закладывают необходимость повышения требований к компетенции юристов. В частности, появляется новая категория – цифровая компетентность юристов как составная часть цифровой грамотности. Проводя анализ цифровой компетентности юристов в рамках автоматизации договорных правоотношений, можно включить в ее состав специальные знания, умения и навыки в сфере не только юриспруденции, но и IT-технологий. При этом приоритетное значение имеют непосредственно общие юридические знания, а также специальные юридические знания в области информационного права. Юристу необходимо знать, кто признается обладателем цифровых прав, предъявляемые законодательством требования к форме и условиям сделок, осуществляемым в электронной форме, правовое регулирование смарт-контрактов, порядок и способы визирования сделок и т.д.

Между тем, юристу нужны дополнительные знания в области IT-технологий. В зависимости от области автоматизации требования к цифровой компетентности юристов дифференцируются, начиная с базовых и стандартных (умение работать с цифровыми устройствами, уверенное функционирование в информационно-коммуникационной сети Интернет, осуществление поисковых запросов и т.д.) и заканчивая продвинутыми. Последняя категория включает специальные профессиональные цифровые знания:

¹⁷ Мартынов В.В., Газизов И.Г. Автоматизация управления договорной деятельностью научно-исследовательских проектных институтов. // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. 2008. том. 10, № 2 (27). С. 64–70.

¹⁸ Мороз О. Нормы цифровой грамотности. // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/video/71431> (дата обращения: 14.10.2019).

программирование, обеспечение кибербезопасности и т.п., которые необходимы при «полной» степени автоматизации.

Навыки и умения являются более прикладными категориями и предполагают реализацию знаний в практической плоскости. При этом соответствующие знания, навыки и умения должны присутствовать и взаимодействовать в совокупности, чтобы обеспечивать успешное осуществление юристом своей деятельности. Так, для составления смарт-контракта необходимо понимать его правовую природу, требования к форме сделки, существенным условиям договора, способам фиксации волеизъявления сторон, которые законодательно признаются надлежащими. Помимо сугубо юридических знаний нужны знания программирования, порядка и способов взаимодействия цифровых инструментов, навыки и умения по составлению программных кодов.

В данной ситуации происходит слияние таких профессий, как юрист и программист. Это обуславливает повышенные требования к компетентности юристов в эпоху цифровизации, поскольку необходимо осваивать знания, навыки и умения как в области юриспруденции, так и в сфере программирования и IT-технологий.

Таким образом, цифровая компетентность юристов в эпоху цифровизации является одним из условий автоматизации договорных отношений в бизнесе и обеспечивает безопасное сопровождение контрактных отношений с точки зрения правовой защищенности. Такую цифровую компетентность можно определить как владение общими и специальными знаниями, навыками и умениями как в области юриспруденции, так и в области программирования, позволяющими юристу составлять электронные договоры, обеспечивать эффективное управление ими.

При этом конкретные требования к цифровой компетентности юристов будут зависеть от сферы и степени автоматизации договорных отношений, которые формируются индивидуально в отношении каждого субъекта предпринимательской деятельности исходя из размера компании, географических и масштабных характеристик рынка, особенностей производимых товаров (выполняемых работ, оказываемых услуг).

Библиографический список:

1. Мартнынов В.В., Газизов И.Г. Автоматизация управления договорной деятельностью научно-исследовательских проектных институтов // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. 2008. том. 10, № 2 (27). С. 64–70.
2. Мороз О. Нормы цифровой грамотности. // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/video/71431> (дата обращения: 14.10.2019).
3. Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса. Отв. ред. Д.С. Медведков, директор Института менеджмента инноваций НИУ ВШЭ. // URL: <https://imi.hse.ru/data/2017/10/06/1159517769/!Цифровая%20экономика%20-%20глобальные%20тренды%20и%20практика%20российского%20бизнеса.pdf>. (дата обращения: 13.10.2019)

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ ДОГОВОР – СОГЛАШЕНИЕ О РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА?

КАЗИМИР
Анна Александровна

студент 4 курса Института бизнес-права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

✉ kazimir19anna@gmail.com

Аннотация. В статье приводится сравнительный анализ «корпоративного» и «семейного» подходов раздела долей в уставном капитале ООО, как общего имущества супругов. Анализируется вопрос того, чьи интересы необходимо защищать при разделе доли в уставном капитале ООО: бизнеса или супруга. В конце статьи приводится «смешанный» подход, который отвечает как интересам ООО, так и гарантирует право супруга на общее имущество супругов при разделе долей в уставном капитале ООО. **Ключевые слова:** соглашение о разделе имущества, распоряжение общим имуществом супругов, раздел доли в уставном капитале ООО, раздел бизнеса.

” **Для цитирования:** Казимир А.А. Учредительный договор – соглашение о разделе имущества? // Сфера права. 2020. № 1. С. 16–18

На сегодняшний день бизнес активно развивается. Несмотря на то, что законодатель не дает легального определения понятию «семейный бизнес» зачастую супруги становятся учредителями хозяйственных обществ и начинают совместно вести предпринимательскую деятельность. Из анализа ст. 34 Семейного Кодекса РФ (далее по тексту – СК РФ) следует, что к имуществу, нажитому супругами во время брака, можно отнести и совместный бизнес¹⁹.

Представим, что в ООО всего 2 учредителя, которые в то же время являются супругами, как в таком случае будет делиться бизнес?

В правоприменительной практике сложились две противоречивые позиции: «семейный подход» и «корпоративный подход»²⁰.

«Семейный подход» рассматривает долю каждого из супругов общей совместной собственностью и тогда доли между супругами делятся пополам. Неважно, какой вклад внес один из супругов в развитие бизнеса и что прописано в учредительных документах общества. Статья 34 СК РФ прямо говорит о том, что независимо от того на чье имя записано имущество, оно делится пополам.

Такую позицию поддерживают арбитражные суды и суды общей юрисдикции. Так в постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31 октября 2008 г. по делу №А79-9187/2007 вывод суда о том, что при создании общества участники, являющиеся супругами, определили размер принадлежащей каждому из них доли, в связи с чем прекращен режим совместной собственности супругов и возникла долевая собственность супругов, является необоснованным.

Из кассационного определения Брянского областного суда от 30.06.2011 по делу №33-2076/2011 следует, что доводы заинтересованного лица о том, что учредительный договор является подтверждением изначально установленного раздельного режима собственности супругов, обоснованно не приняты судом, поскольку доля каждого из

¹⁹ См. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. №223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 34.

²⁰ Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании: монография/ отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушин. – Москва: Проспект, 2019. – 480 с.

супругов является общим имуществом супругов и подлежит разделу как два самостоятельных объекта с учетом гражданско-правового режима доли. Следовательно, заключение учредительного договора между супругами как учредителями ООО не изменило законного режима имущества супругов, суд посчитал, что они действовали как обычные участники гражданского оборота.

Таким образом, в «семейном подходе» не имеет значения у кого из супругов сколько долей в уставном капитале ООО. Несмотря на то, что, например, у одного супруга 70%, а у другого супруга 30% долей в уставном капитале ООО, в итоге каждый из супругов получит по 50% бизнеса. Стоит отметить, что в рассматриваемых случаях между супругами брачный договор не заключен.

«Корпоративный подход» поддерживает позицию о том, что учредительный договор является соглашением о разделе совместно нажитого имущества. Согласно такому подходу, бизнес не делится пополам, а каждый из супругов получает то количество долей в уставном капитале, которое закреплено в учредительном договоре.

Рассмотрим примеры из судебной практики. Из Определения ВАС РФ от 04.08.2008 № 9739/08 по делу № А53-7093/2007-С1-33 следует, если супруги – учредители общества в заключенном между ними договоре определили размер принадлежащих им долей в уставном капитале общества, на указанные доли не распространяется режим совместной собственности.

Согласно определению Приморского краевого суда от 21.05.2014 по делу №33-4353 соглашение супругов об определении долей в уставном капитале общества является в этом случае соглашением супругов о разделе приобретенного имущества. В связи с чем режим общей совместной собственности на принадлежащие супругам доли не возник.

Попробуем разобраться, не противоречит ли «корпоративный подход» семейному законодательству.

В п. 1 ст. 256 Гражданского Кодекса РФ (далее по тексту – ГК РФ) установлено, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества²¹.

В силу п. 1 ст. 39 СК РФ при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами.

Согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. №15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу (п.п.1 и 2 ст. 34 СК РФ), является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст. 128, 129, п. 1 и 2 ст. 213 ГК РФ может быть объектом права собственности граждан, независимо от того, на имя кого из супругов оно было приобретено или внесены денежные средства, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества. Раздел общего имущества супругов производится по правилам, установленным ст. 38, 39 СК РФ и ст. 254 ГК РФ.

В соответствии с п. 2 ст. 38 СК РФ брачным договором супруги вправе изменить установленный законом режим совместной собственности. Брачный договор может быть заключен как в отношении имеющегося, так и в отношении будущего имущества супругов.

Таким образом, из буквального толкования норм закона можно прийти к выводу, что (только) брачный договор может изменять законный режим совместной собственности супругов, так как везде говорится о конструкции брачного договора.

Однако стоит отметить, что кроме института брачного договора семейное законодательство говорит и о соглашении о разделе общего имущества.

²¹ См. Гражданский кодекс Российской Федерации» (часть первая) от 30 ноября 2011 г. №51-ФЗ // Собрание законодательства. 1994. № 32. Ст. 256.

В силу п. 2 ст. 38 СК РФ следует, что общее имущество супругов может быть разделено между супругами по их соглашению. Соглашение о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака, должно быть нотариально удостоверено. Правовая природа соглашения о разделе имущества предполагает раздел имеющегося имущества у супругов на момент такого раздела, но не регулирует отношения супругов о будущем имуществе.

Согласно п. 5 ст. 11 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» учредители общества заключают в письменной форме договор об учреждении общества, определяющий размер и номинальную стоимость доли каждого из учредителей общества²². Нотариальное удостоверение такого договора не установлено законодательством. Также договор об учреждении общества не является учредительным документом общества.

Таким образом, полагаю, что «корпоративный подход» противоречит нормам семейного права. Во-первых, учредительный договор, который, в частности, определяет размер долей супругов в силу действующего законодательства не подлежит нотариальному удостоверению. Но такое условие обязательно для соглашения о разделе имущества в силу прямого указания в законе. Во-вторых, соглашение о разделе имущества определяет судьбу общего имущества, нажитого в период брака, и не устанавливает режим будущего имущества в отличие от брачного договора. Полагаю, что супруги во время создания бизнеса не планируют расторгать брак, и создаваемый бизнес будет являться будущим имуществом, которое не регулируется соглашением о разделе имущества.

В поддержку «корпоративного подхода» стоит отметить то, что супруги руководствовались определенными идеями при распределении долей в момент создания бизнеса. В таком распределении имела логика. Оценивался размер личной вовлеченности каждого из супругов в развитие бизнеса. Такой подход больше защищает интересы бизнеса и его продуктивность после расторжения брака.

Подводя итоги, наиболее справедливым вариантом, на мой взгляд, является сочетание двух подходов при разделе совместного имущества. Представим, что у одного супруга 70%, а у другого 30% долей в уставном капитале ООО согласно учредительному договору. Руководствуясь «корпоративным подходом», у супругов сохраняются такие доли в интересах бизнеса. Но в силу «семейного подхода» супруг, у которого осталось 70% долей в уставном капитале общества выплачивает компенсацию в размере стоимости 20% долей ООО второму супругу. Таким способом возможно обеспечить как интересы бизнеса, так и права супругов на общее имущество.

Полагаю, чтобы минимизировать риски супругам на стадии создания совместного бизнеса, стоит заключать брачный договор, в котором будут подробно регламентированы отношения по ведению совместного бизнеса.

Библиографический список:

1. Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании: монография/ отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушин. – Москва: Проспект, 2019. – 480 с.

²² См. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 11.

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ ИЛИ ПОЧЕМУ НЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЫ?

ТИМОФЕЕВА
Алла Александровна

студент 4 курса Института правового консалтинга
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

✉ alla.timofeeva.a@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты соблюдения адвокатской тайны в контексте механизма реализации профессиональных прав адвокатов. Автором анализируются проблемы и неточности законодательного регулирования, приводится актуальная статистика нарушения адвокатской тайны при производстве обысков, допросов и иных следственных действий. На основе приведенных примеров из дисциплинарной практики адвокатских палат и правовых позиций Европейского суда по правам человека автором предлагаются пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: адвокатская деятельность, адвокатура, адвокатская тайна, Европейский суд по правам человека, профессиональная этика адвоката, дисциплинарная ответственность.

Для цитирования: Тимофеева А.А. Двойные стандарты или почему нет ответственности за нарушение адвокатской тайны? // Сфера права. 2020. № 1. С. 19–21

Адвокатура – важнейшая часть гражданского общества, осуществляющая защиту прав граждан и организаций на профессиональном уровне. Именно соблюдение профессиональных прав адвокатов является одним из условий реализации предусмотренного ст. 48 Конституции РФ на защиту. В условиях российской действительности все чаще и чаще замечаются как явные, так и латентные нарушения прав адвокатов, причем как со стороны представителей правоохранительной системы, так и со стороны суда. Обыски, незаконное удаление адвоката из зала судебного заседания, нарушение адвокатской тайны и конфиденциальности беседы с доверителем и даже применение физического насилия²³ – все это стало обыденным явлением в адвокатской практике. Безусловно, любой человек, даже не связанный с адвокатурой или юриспруденцией без колебаний скажет, что так быть не должно.

Наряду с обозначенными выше проблемами, особое значение имеет проблема соблюдения адвокатской тайны. И, хотя эта тема обсуждается в адвокатском сообществе уже давно, она все еще остается актуальной, особенно при взаимодействии адвоката с сотрудниками исправительных учреждений, следствия и прокуратуры.

На сегодняшний день вопросы адвокатской тайны регулируются Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», Кодексом профессиональной этики адвоката, принятым первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (далее – КПЭА), а также разъяснениями и рекомендациями Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее – ФПА РФ).

В соответствии с законом адвокатскую тайну составляют любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю²⁴. Статья 6

²³ Адвокат из Москвы обратилась к Александру Бастрыкину с заявлением о незаконных действиях следователя // Сетевое издание «Адвокатская газета». URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-iz-moskvy-obratilas-k-aleksandru-bastrykinu-s-zayavleniem-o-nezakonnykh-deystviyakh-sledovatelya/> (дата обращения: 10.10.2019)

²⁴ Ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.06.2002. № 23. Ст. 2102.

КПЭА детализирует перечень сведений, на которые распространяет свое действие адвокатская тайна (среди них факт обращения к доверителю, любые доказательства и документы по делу и др.). Вопрос о том, какой смысл вкладывать в само содержание адвокатской тайны, в литературе решается по-разному. К примеру, М.С. Строгович считал, что суть сводится не к тайне адвоката, а к тому, чтобы обвиняемому и его близким гарантировать возможность свободно говорить адвокату все, что они считают нужным, без опасения, что сказанное будет обращено во вред обвиняемому²⁵. М.Ю. Барщевский отмечает, что адвокатская тайна начинается с момента, когда клиент переступил порог юридической консультации, адвокатской фирмы, бюро²⁶.

Отдельно стоит отметить, что обширное регулирование вопросов адвокатской тайны осуществляется и самим адвокатским сообществом. Среди наиболее значимых актов можно выделить следующие: Рекомендации Совета ФПА РФ по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности от 30.11.2009, разъяснение комиссии ФПА РФ по этике и стандартам по вопросу предания адвокатом огласке сведений о преступлениях и иных правонарушениях от 28 июня 2017 г. № 07/17. Внимательно прочитав содержание указанных актов, в том числе федерального законодательства, можно обратить внимание на то, что большинство из них обращены именно адвокатам и содержат в себе большое количество запретов, нарушение которых влечет применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности, вплоть до прекращения статуса. Однако на сегодняшний день, к сожалению, режим адвокатской тайны нарушается не самими адвокатами, а представителями государственной власти. В связи с этим, возникает вполне логичный вопрос – а какие меры ответственности применяются к ним?

Так, по статистике, представленной на сайте ФПА РФ, за 2017-2018 гг. увеличилось количество обысков у адвокатов (34 случая за 2017 год и 80 – за 2018.) В 2018 году была подана 2031 жалоба на нарушение профессиональных прав адвокатов. Количество незаконных вызовов адвокатов на допрос также возросло (В 2017 г. – 168 случаев), растет число незаконных оперативно-розыскных мероприятий²⁷.

Проблема сохранения адвокатской тайны нередко становится предметом рассмотрения в ЕСПЧ. К примеру, по делу «Дудченко против РФ»²⁸ ЕСПЧ признал незаконным перехват разговоров подозреваемого с защитником и дальнейшее использование этих сведений в качестве доказательств по уголовному делу. В другом, не менее резонансном в адвокатском сообществе деле, рассматривался вопрос о привлечении адвоката Ольги Динзе к дисциплинарной ответственности в связи с изъятием сотрудниками СИЗО «Лефортово» полученной ею от доверителя тетради²⁹.

Безусловно, на сегодняшний день адвокатское сообщество нуждается в установлении дополнительных гарантий не только на уровне локальных актов, но и на уровне федерального законодательства. В настоящее время Советом законодателей рассматриваются несколько законопроектов, среди которых особое внимание заслуживает проект о введении ответственности за воспрепятствование деятельности адвоката (в ст. 294 УК РФ)³⁰, зарегистрированный 28.01.2019 г. Как указывается в

²⁵ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1960. С. 399.

²⁶ Барщевский М.Ю. Адвокатская этика. М.: «Профессиональное образование», 2002. С. 136.

²⁷ Препятствия деятельности адвокатов – проблема государства. // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/prepyatstviya-deyatelnosti-advokatov-problema-gosudarstva/> (дата обращения: 10.10.2019).

²⁸ Постановление ЕСПЧ от 07.11.2017 «Дело "Дудченко (Dudchenko) против Российской Федерации"» (жалоба № 37717/05) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Козкина Анна, Пестова Елизавета. «Лефортово» против адвокатов. Ольга Динзе получила предупреждение за вынесенные из СИЗО записи своего подзащитного // Медиазона. URL: <https://zona.media/article/2017/12/20/odinze> (дата обращения: 10.10.2019).

³⁰ Проект законодательной инициативы № 7-768 «О внесении изменений в статью 294 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной

заключении комиссии, данный законопроект не рекомендуется вносить в Государственную Думу РФ в связи с тем, что в сравнении со следователем, прокурором, дознавателем, деятельность защитника не носит властный характер, и указанные лица обладают разным статусом в рамках уголовного судопроизводства.

На мой взгляд, не стоит забывать, что чрезмерная забота государства о правоохранительной системе, является причиной частых злоупотреблений со стороны должностных лиц. Безусловно, адвокаты не обладают властными полномочиями, что, как мне кажется, наоборот свидетельствует о необходимости закрепления дополнительных гарантий. Именно адвокат как никто другой тесно взаимодействует со всеми органами государственной власти. От количества и качества установленных законом гарантий прав адвокатов зависит защита конституционных прав граждан. На мой взгляд, установление ответственности за воспрепятствование деятельности правоохранительных органов и отсутствие аналогичной ответственности за воспрепятствование деятельности адвоката представляет собой ничто иное как двойные стандарты законодателя и всей системы в целом. Абсурдно ставить интересы государства (которые включают в себя не только интересы общества, но и интересы действующей власти) выше интересов граждан, которые заслужили право на защиту. Такие категории как адвокатская тайна, конфиденциальность общения с доверителем существуют только в представлении адвокатов, законом не предусмотрено никакой ответственности для должностных лиц. Проведение обысков в служебных помещениях, изъятие документов, личный досмотр при посещении СИЗО, допросы, прослушивание телефонов вынуждают адвокатов обжаловать действия вышестоящим должностным лицам или в суд, что, по-моему мнению, может сказываться и на качестве оказываемой юридической помощи, т.к. адвокаты вынуждены тратить на это свое время и силы, отстаивая при этом свои собственные профессиональные интересы и защищая свои права. УК РФ устанавливает ответственность за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ), за воспрепятствование осуществлению правосудия и предварительного расследования (ст. 294 УК РФ), за незаконное получение и разглашение коммерческой, налоговой или банковской тайны (ст. 183 УК РФ), но умалчивает об адвокатской тайне и деятельности адвоката в целом.

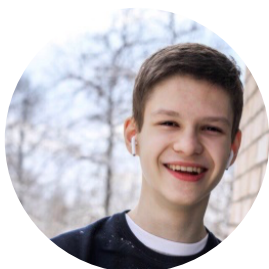
В связи с этим, адвокатское сообщество, по моему мнению, нуждается в изменениях не только в УК РФ, но и КоАП, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», устанавливающих ответственность граждан и, прежде всего, должностных лиц за незаконный доступ к адвокатской тайне, разглашение конфиденциальных сведений и воспрепятствование деятельности адвоката. Также в изменениях нуждается и УПК РФ, в части порядка производства обыска у адвокатов. Только таким путем можно добиться укрепления доверия общества к адвокатуре, повышения роли адвокатуры как института гражданского общества.

Подводя итог нашему исследованию, хотелось бы привести цитату величайшего российского адвоката А.Ф. Кони: «в тревоге и тоске от грозно надвигающегося обвинения... защитнику открываются тайники души... скрываемый от других позор с такими подробностями личной жизни и семейного быта, по отношению к которым слепая Фемида должна быть и глухой».

Библиографический список:

1. Барщевский М.Ю. Адвокатская этика. М.: «Профессиональное образование», 2002. 288 с.
2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1960. 703 с.

БИНАРНЫЕ ОПЦИОНЫ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ЗВОНАРЕВ
Артеми́й Андре́евич

студент 1 курса Международно-правового института
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

✉ artemiy.zvonarev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается механизм работы такого малоизученного объекта права как бинарные опционы, а также угрозы, исходящие от недооценки его потенциала и текущее регулирование данного финансового инструмента на западе и в России.

Ключевые слова: бинарные опционы, CFTC, брокеры, гэмблинг, CySEC, ФСФР, OlympTrade, MFSA.

Для цитирования: Звонарев А.А. Бинарные опционы: проблемы правового регулирования // Сфера права. 2020. № 1. С. 22–24

Одной из актуальных задач современной зарубежной и отечественной юриспруденции является правовое регулирование бинарных опционов.

Необходимо разделить понятия «опцион» и «бинарный опцион». Под опционами понимаются договоры, по которым покупатели опционов получают право купить или продать какой-либо актив (товар, ценная бумага, валюта и др.) в определенный момент времени по заранее обусловленной цене. Данная деятельность полностью легальна и контролируется биржевыми регуляторами в разных странах. Бинарный опцион предполагает получение строго фиксированной прибыли в случае выполнения условия (рост или снижение стоимости актива) и убыток в размере стоимости опциона при невыполнении условия до даты погашения опциона. Это ставка на понижение или повышение стоимости опциона до момента его экспирации³¹.

Принцип работы с бинарными опционами – понятен, регуляция – существует, возможность получения прибыли – присутствует. Однако на практике, ни одно из трех положений не является абсолютно достоверным и задача статьи – показать, что происходит на практике с этим финансовым инструментом, как власти различных стран трактуют его правовой статус и какие существуют способы его правового регулирования.

Для начала необходимо проанализировать историю возникновения бинарных опционов. Стандартные опционы были доступны лишь ограниченному кругу лиц, потому как требовали высоких депозитов, следовательно, опционами могли торговать лишь банки и крупнейшие финансовые компании, а розничные трейдеры, зачастую, доступ к ним не получали. В 2007 году компания Option Clearing Corporation выпустила на рынок совершенно новый продукт – бинарные опционы. Внедрять их в свою платформу мог любой брокер, что принесло им большую популярность. Ведь обычные биржевые опционы имели довольно сложную структуру и требовали профессиональных навыков. Бинарные же являются предельно упрощенным, понятным и доступным способом заработка. Сам инструмент требует минимальное количество средств для начала работы, поэтому воспользоваться им может любой желающий. Появление сверхпопулярного биржевого инструмента привлекло в данную сферу сомнительных брокеров, превративших интересную идею в инструмент для обмана доверчивых пользователей.

³¹ Процесс истечения срока обращения срочных контрактов на бирже.

В чем же состоит сам механизм обмана в сфере бинарной торговли? Нарушения кроются не в самих бинарных опционах, но в их использовании так называемыми «бинарными брокерами». Интернет-«брокер», предоставляющий сервис по торговле бинарными опционами, в реальности является не посредником, а стороной сделки. Он получает деньги клиентов, которые те теряют. Причем те же «брокеры» предоставляют информацию (поток цен актива), на основе которой принимается решение о выигрыше или проигрыше клиента. Представьте казино, в котором колесо рулетки расположено не в общем зале, а где-то в подсобке, при этом выпавшие номера объявляет крупье, который видит, какие ставки сделали игроки. Сравнение с казино в данном случае – неслучайно. Каждый из нас в жизни хоть раз слышал фразу: «В казино никто не может выиграть математически». В случае с бинарными опционами, площадка в случайном порядке (50 на 50) обогащает то владельцев call option³², то владельцев put option³³. При этом, в случае проигрыша одни теряют полную цену актива, а другие получают цену актива и 80% от этой цены (доход). То есть в конечном счете, теория вероятности возьмет верх и разорит игрока. Наконец, чаще всего, бинарный опцион обусловлен изменением цены в течение нескольких минут (возможна экспирация в несколько секунд). Прогнозировать рост цены базового актива вверх или вниз в течение нескольких минут, по сути, то же самое, что угадывать четное/нечетное количество очков в баскетбольном матче. Никакой анализ или знание рынка тут не помогут.

Все эти тонкости со временем привлекли внимание к вопросу определения правового статуса бинарных опционов. К сожалению, в международном праве не существует единого мнения по этому поводу. В некоторых странах считают, что данную деятельность необходимо приравнять к инвестиционной, торговлю облагать налогом и регулировать. В других странах считают, что под этот вид деятельности больше подходит термин «гэмблинг», то есть игорный бизнес. Соответственно регуляция этой деятельности выходит из-под юрисдикции международных биржевых регуляторов и определяется исключительно законодательством той или иной страны.

Вопросы регулирования торговли бинарными опционами рассматривались финансовыми комиссиями многих стран мира. Однако единого и безопасного для всех участников правового поля до сих пор нет. Плохо работающие и недобросовестные компании, потеряв репутацию, могут беспрепятственно регистрировать новое юридическое лицо и продолжать свою деятельность.

«Родиной» внебиржевых бинарных опционов стал Израиль. Существовавшее на тот момент законодательство позволяло бинарным «брокерам» беспрепятственно осуществлять свою деятельность. Совсем скоро законодатель, разобравшись в незаконной деятельности брокеров, ужесточил законы и бинарные опционы переместились в более дружелюбный юридический климат, которым, стал Кипр, всегда привлекавший финансовые компании низким уровнем налогов и мягкими требованиями к регулированию финансовых учреждений. В 2012 году, после одобрения Европейской комиссией, бинарные опционы были включены в официальный перечень финансовых инструментов, регулируемых CySEC (Кипрский финансовый регулятор), и он стал единственным контролирующим органом для европейских брокеров бинарных опционов³⁴. На протяжении следующих 6 лет, пользуясь своей регистрацией в Евросоюзе бинарные брокеры почти беспрепятственно осуществляли свою деятельность.

2018 год стал поворотным для индустрии бинарных опционов. Огромное количество жалоб со стороны обманутых пользователей заставили власти множества крупных стран обратить внимание на «бинарную» проблему. В США было организовано

³² Ставка на повышение цены

³³ Ставка на понижение цены

³⁴ The Cyprus Securities and Exchange Commission.
URL: <https://www.cysec.gov.cy/CMSPages/GetFile.aspx?guid=45fcde10-1c07-4acc-87d5-a4a6050ea69b>
(дата обращения: 11.10.2019).

расследование, проводимое финансовым регулятором CFTC совместно с ФБР, по результатам которого множество участников индустрии бинарных опционов (брокеры, провайдеры платежных систем, партнерские агентства, сопутствующие сервисы), в обход закона предлагающих свои услуги были задержаны и осуждены³⁵.

Со 2 июля 2018 года деятельность бинарных брокеров в Европейском союзе была запрещена на 3 месяца³⁶. Инициатором запрета выступила Европейская организация по ценным бумагам и рынкам. Позже полный запрет был снят, при условии выполнения ряда правил: допускались сделки с экспирацией в более чем 90 дней и возможностью получения 100% дохода со сделки, а также обязательной регистрации брокеров³⁷. В России и странах СНГ деятельность бинарных брокеров до сих пор официально не урегулирована. Федеральная служба финансовых рынков (ФСФР) до 2013 года выдавала лицензии на брокерскую деятельность. Сейчас подобные лицензии выдает ЦБ РФ. Брокеры, получившие лицензии от ФСФР и ЦБ РФ, предлагают торговлю бинарными опционами. Получается, что де-факто государство признает законность этого вида финансовой деятельности, но никак не регламентирует. Однако, бинарные опционы представляют опасность только в руках недобросовестных компаний, а официального запрета или хотя бы регуляции их деятельности в РФ нет. Таким образом, их деятельность в пределах нашей страны регулируется все теми же CySEC и MFSA.

Стоит упомянуть, про негосударственное регулирование деятельности бинарных брокеров компанией ЦРОФР³⁸, предоставляющей за определенную плату проверку брокеров, однако физический адрес и учредители Центра неизвестны и нет никаких данных о том, кто разрешил им выдавать лицензии, соответственно и «регуляция» с их стороны достаточно условна. Таким образом, защита интересов трейдера в суде не подкреплена никакими государственными гарантиями. Регистрация бинарных брокеров в офшорах еще больше усложняет ситуацию. 26 декабря 2018 года с Российского рынка ушел один из крупнейших бинарных брокеров в мире – OlympTrade, сославшись на скорый выход в свет закона, содержащего ужесточение данного вида деятельности, однако, на данный момент закон так и не принят. К сожалению, отсутствие в российском законодательстве норм, регулирующих деятельность, связанную с бинарными опционами, может приводить к спорным судебным решениям, основанным на отсутствии четкого разделения понятий «опцион» и «бинарный опцион»³⁹.

В заключение, хотелось бы отметить, что в странах Африки и Южной Америки деятельность недобросовестных брокеров только набирает обороты. Существующее положение указывает на необходимость срочного принятия международных договоров, регулирующих бинарные опционы, пока они не превратились в современный инструмент международного мошенничества. Первостепенной задачей автор считает установление четкого определения понятию бинарный опцион и регламентации деятельности, попадающей под это определение. Это станет предпосылкой для принятия законопроектов, которые позволят эффективно контролировать деятельность «бинарных брокеров» и установят ответственность для недобросовестных брокеров.

³⁵ Federal Court Orders Binary Options Firm and Principal to Pay More Than \$22 Million for Fraudulent Scheme. // URL: <https://www.cftc.gov/PressRoom/PressReleases/7919-19> (дата обращения: 11.10.2019).

³⁶ ESMA agrees to prohibit binary options and restrict CFDs to protect retail investors. // URL: <https://www.esma.europa.eu/press-news/esma-news/esma-agrees-prohibit-binary-options-and-restrict-cfds-protect-retail-investors> (дата обращения: 11.10.2019).

³⁷ C282 – CIFs - ESMA product intervention decision on contracts for differences and binary options-Renewal. // URL: <https://www.cysec.gov.cy/CMSPages/GetFile.aspx?guid=8e88bad1-6ab6-4046-8bdb-a6b278cb9ba3> (дата обращения: 11.10.2019).

³⁸ Центр регулирования отношений на финансовых рынках.

³⁹ Постановление Верховного Суда РФ от 19 апреля 2018 г. № 50-АД18-3 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧАСТНИКА ОБЩЕСТВА ПЕРЕД УЧАСТНИКОМ

КОРТИАШВИЛИ
Нателла Валерьевна

студент 4 курса Факультета права
Высшей школы экономики

✉ nkortiashvili@mail.ru

Аннотация. Вследствие реформы гражданского законодательства 2014 г. увеличилось количество диспозитивных норм, регулирующих корпоративные отношения, в силу чего изменилась сама природа фирмы. Корпорация, как *nexus of contract*, является фиктивным образованием, чьи интересы определяются интересами участников. Поэтому те инструменты восстановления нарушенных прав участников общества, которые предлагает современное законодательство, не являются эффективными. Поскольку в основе юридического лица лежит сделка учредителей, несмотря на то, что позитивное законодательство не содержит прямой нормы, вменяющей обязанности одного участника по отношению к другому, тем не менее, возможно вменение участникам охранительной обязанности «не вредить» друг другу, вытекающей из п. 3 ст. 307 ГК РФ, а следовательно, и признание прямого иска участника к участнику на основании принципа добросовестности.

Ключевые слова: *nexus of contract*, прямой иск участника к участнику, охранительные обязанности участников общества.

Для цитирования: Кортиашвили Н.В. Ответственность участника общества перед участником // Сфера права. 2020. № 1. С. 25–28

Реформа гражданского законодательства 2014 г. ознаменовалась значительным ростом диспозитивных норм корпоративного права, в частности в отношении регулирования деятельности непубличных обществ. При этом снижение числа императивных норм неизбежно сопровождается усилением экспансии принципа свободы договора в отношениях, вмешательство в которые со стороны государства тем самым становится менее интенсивным. Безусловно, в корпоративном праве свобода договора не была и не может быть абсолютной (например, в части организационно-правовых форм юридических лиц), однако тенденция к снижению регуляторной нагрузки на внутренние корпоративные отношения приводит к тому, что меняется сама природа фирмы.

И если всего несколько десятилетий назад как отголосок советской эпохи органическая теория происхождения фирмы оправдывалась императивностью корпоративного законодательства, через которое государство фактически «сверху» насаждало ту модель корпоративных отношений, в рамках которой участники могли вести совместный бизнес, то в свете реформы 2014 г. участники особенно непубличных корпораций имеют право формировать структуру своих отношений «с низу» за счёт, в частности, корпоративного договора. Безусловно, базис императивных норм формирует некий каркас, состоящий из организационно-правовой формы, органов общества и т.д., однако, например, внутренние корпоративные процедуры, количество голосов, необходимых для принятия того или иного решения, порядок осуществления корпоративных прав участников непубличной корпорации и даже ответственность директора могут быть предметом корпоративного договора. В данном контексте состоятельной выглядит контрактанская теория фирмы (амер. – *nexus of contract*), которая приобретает популярность среди современных исследователей корпоративного права. Таким образом, природа фирмы определяется преобладающим методом правового регулирования корпоративного законодательства.

Следует отметить, что указанный вопрос не является сугубо теоретическим, а напротив, имеет прикладное значение, так как через проблему интереса юридического лица подводит нас к вопросу ответственности участника общества перед другим участником.

Так, по мнению Д.И. Степанова, в силу фиктивной природы юридического лица его интерес является изменчивым и не имеет какой-либо константы. При этом интерес юридического лица отождествляется с интересом той группы участников или того участника, который охраняется конкретным институтом корпоративного права⁴⁰. Таким образом, интерес юридического лица не отделим от субъективного интереса его участников. При этом доводы Степанова оправдываются и тем, что в корпоративном праве в ряде случаев законодатель проявляет патернализм, отходя от принципа большинства в защиту интересов миноритариев. Иными словами, интерес юридического лица действительно не является постоянным и оценивается отдельно в каждом конкретном случае. Указанная особенность современного корпоративного законодательства также свидетельствует в пользу фиктивной природы юридического лица. В данном контексте, когда вуаль юридического лица отходит на второй план, на первый план выходят отношения между участниками.

Как уже было отмечено, большая диспозитивность приводит к увеличению свободы и тем самым открываются широкие возможности для злоупотреблений со стороны одних участников корпорации во вред другим. При этом названные злоупотребления далеко не всегда могут носить односторонний характер со стороны мажоритарных участников, как принято считать. Но и миноритарные участники, в особенности в непубличных обществах, обладая хоть и минимальным уровнем корпоративного контроля, но имея тем самым возможность блокировать принятие ряда решений или заявлять технические иски (гринмэйл), могут оказывать негативное влияние на стоимости долей иных участников.

Таким образом, как мажоритарии, так и миноритарии имеют реальные механизмы воздействия на права и интересы друг друга. Безусловно, в связи с наличием операционного контроля над фирмой мажоритарии более часто наносят вред интересам миноритариев. При этом убытки у самой компании в результате недобросовестных действий мажоритария могут и не наступить, однако иные участники общества, тем не менее, понесут определённые потери, так как не всегда их убытки являются отражёнными от убытков юридического лица. Например, мажоритарный участник может обеспечивать вывод активов общества через свои аффилированные лица, при этом формально у общества не будет чистой прибыли для выплаты дивидендов, и как следствие, миноритарии не смогут реализовать свой законный интерес в получении части прибыли. В такой ситуации конструкция косвенного иска не способна обеспечить эффективное восстановление нарушенных прав миноритарного участника общества. И именно в данном контексте встаёт вопрос о наделении участника правом на подачу прямого иска к другому участнику, действиями которого ему непосредственно были причинены убытки. Вопрос подачи иска — это вопрос нарушения обязанности ответчиком. То есть для наделения участника общества правом на прямой иск к другому участнику необходимо констатировать наличие определённых обязанностей у одного участника не перед самой корпорацией, а перед другими участниками общества.

В российском корпоративном праве отсутствует общая норма, которая являлась бы основанием для подачи прямого иска. В свою очередь, нельзя с уверенностью утверждать, что отечественное законодательство и вовсе не признает возможность удовлетворения нарушенных имущественных интересов одного участника за счёт другого участника, а не корпорации: за неправомерные действия, которые привели к утрате доли

⁴⁰ Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 1. С. 29–83.

участия⁴¹, за недобросовестное содействие принятию признанного судом недействительным решения о реорганизации⁴², при обязательном предложении и принудительном выкупе акций (в части цены)⁴³. Однако ни ГК, ни профильные законы эксплицитно не признают возможность привлечения участников к ответственности перед другими участниками. Отсутствие общей нормы, служащей основанием для привлечения к подобной ответственности, обусловлено именно тем, что законодательство не признаёт наличие обязанностей участников по отношению друг к другу.

Напротив, корпоративное законодательство США, на основе которого был написан ФЗ «Об акционерных обществах», признаёт наличие у директоров и мажоритарных участников фидуциарных обязанностей по отношению к иным участникам компании. Более того, для миноритариев, чьи интересы нарушаются недобросовестными действиями мажоритариев доступен специальный вид иска: *oppression claim*. С другой стороны, законодательство Англии, несмотря на отсутствие у участников корпорации фидуциарных обязанностей по отношению друг к другу, признаёт институт *unfair prejudice*, который позволяет участникам использовать определённые меры защиты собственных интересов против иных, в том числе мажоритарных, участников⁴⁴.

Предложение ввести в российское законодательство институт фидуциарных обязанностей участника перед участником видится излишне радикальным, однако принципиальное признание наличия общих оснований для ответственности участников друг перед другом, хотя бы на уровне разъяснений пленума ВС, необходимо.

Судебная практика отрицает возможность подачи иска об убытках от одного акционера к другому на основании ст. 1064 ГК в связи с тем, что специальное корпоративное законодательство имеет приоритет над данной общей нормой⁴⁵. Вместе с тем нет необходимости изобретать институт, которого нет в действующей редакции ГК.

Связь между участниками является относительной, так как в основе возникновения корпорации лежит сделка учредителей⁴⁶. В таком случае устав имеет сделочную природу, из чего с неизбежностью следует вывод о наличии особого рода обязанностей одного участника перед другим. Такими обязанностями, подразумеваемыми в любых договорных отношениях, являются поведенческие обязанности, теория которых подробно разработана в доктрине Германии.

Как пишет А.В. Егоров, предметом защиты таких обязанностей является лично-правовой и имущественно-правовой *status quo* стороны⁴⁷. При этом за нарушение таких обязанностей наступает ответственность. Иными словами, основная идея поведенческих (охранительных) обязанностей стороны сделки заключается в следующем: не навреди своему контрагенту.

Развитие указанной идеи косвенно нашло отражение и в российском законодательстве. Так, согласно п. 3 ст. 307 ГК РФ при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга. Таким образом, можно сделать вывод о

⁴¹ п. 3 ст. 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994 № 32. ст. 3301.

⁴² п. 4 ст. 60.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ

⁴³ Глава XI.1 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. ст. 1.

⁴⁴ *Бойко Т.С.* Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником // Закон. 2017. № 3. С. 116–136.

⁴⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.10.2015 № Ф05-6465/2014 по делу № А40-75714/13-134-707 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁶ *Степанов Д.И.* Сделка учредителей и присоединение к ней последующих участников // Вестник ВАС РФ 2010. № 3. С. 6.

⁴⁷ *Егоров А.В.* Структура обязательственного отношения. Нарботки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. № 3. С. 241–274.

том, что в силу самой природы учредительного документа на участников общества возлагается обязанность принимать во внимание и учитывать при совершении каких-либо действий права и законные интересы других участников, как сторон единой многосторонней сделки по созданию общества. Соответственно, за нарушение подобной обязанности может и должна следовать ответственность участника перед участником, то есть за участником должно быть признано право на подачу прямого иска.

Библиографический список:

1. Бойко Т.С. Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником // Закон. 2017. № 3. С. 116–136.
2. Егоров А.В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. № 3. С. 241–274.
3. Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 1. С. 29–83.
4. Степанов Д.И. Сделка учредителей и присоединение к ней последующих участников // Вестник ВАС РФ. 2010. № 3. С. 6–65.

ПРИНЦИП КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

МАХРИНА
Маргарита Геннадьевна

студент 1 курса магистратуры Международно-
правового института Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

✉ mahrina.margarita@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается такая отличительная черта международного коммерческого арбитража как конфиденциальность. Автор приводит признанные аспекты конфиденциальности и рассматривает основания конфиденциальности разбирательства. Анализируя национальное законодательство и регламенты арбитражных институтов, автором выражается мнение о возможном переходе к принципу прозрачности арбитражного разбирательства.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, конфиденциальность, приватность, раскрытие, информация.

Для цитирования: Махрина М.Г. Принцип конфиденциальности в международном коммерческом арбитраже // Сфера права. 2020. № 1. С. 29–32

Базовый принцип государственной системы правосудия заключается в том, что судебное разбирательство должно осуществляться открыто. Принцип публичности правосудия закреплен в п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ... имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»⁴⁸. Международному коммерческому арбитражу (далее – «МКА», «арбитраж»), напротив, свойственна конфиденциальность. Она признается одним из основных достоинств и базовым принципом МКА. В международной судебной и арбитражной практике выделяют такие аспекты конфиденциальности, как 1) закрытый или "частный" характер слушаний; 2) конфиденциальность документов и информации; 3) закрытость информации о разбирательстве; 4) конфиденциальность арбитражного решения, включая запрет на публикацию решения без согласия сторон⁴⁹. Рассмотрим подробнее второй и четвертый аспекты, а именно сохранение конфиденциальности документов и информации, представленных сторонами в арбитраж и конфиденциальность самого решения.

Отдельно стоит отметить, что ряд авторов предлагает разграничивать понятия «приватность» и «конфиденциальность» арбитража, сужая понимание последнего до рассматриваемого в настоящей статье аспекта⁵⁰. Тем не менее, вынесем эту дискуссию за рамки данной работы и будем понимать под словом «конфиденциальность» оба явления.

⁴⁸ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁹ Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»: постатейный, научно-практический; под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского. М.: Статут, 2016. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁰ Лашков Н.С. Конфиденциальность арбитражного разбирательства. Понятие и пределы // Закон. 2015. № 10. С. 48–58; Ерофеева Н.М. Приватность и конфиденциальность в международном коммерческом арбитраже // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №10 С. 186–187.

Долгое время конфиденциальность являлась подразумеваемым принципом МКА и не закреплялась нормативно. Презюмировалось, что стороны выразили свою волю на передачу спора в пользу арбитража, имеющего частную природу. Следовательно, тем самым они отказались от публичного судебного разбирательства в пользу конфиденциальности.

В настоящее время юридическим основанием применения условий конфиденциальности может быть: 1) национальный закон, 2) регламент институционального арбитража, 3) арбитражная оговорка или соглашение о конфиденциальности, и 4) судебная практика (которая подтверждает подразумеваемость условия о конфиденциальности). Источники конфиденциальности арбитражного разбирательства могут дополнять и уточнять друг друга.

Например, в Законе «Об арбитраже» Гонконга в разд. 18 установлено: «если стороны не договорились об ином, ни одна сторона не вправе публиковать, раскрывать или передавать информацию, относящуюся к арбитражному разбирательству или арбитражному решению, принятому в рамках процесса»⁵¹. При этом стороны вправе заключить соглашение о конфиденциальности, в котором предусматривается желаемый уровень конфиденциальности, а именно средства обеспечения или перечень информации, которая при определенных обстоятельствах может быть предана гласности.

Презюмирование конфиденциальности на законодательном уровне является скорее исключением из правила. В основном национальное законодательство о МКА идет двумя путями: (i) либо сознательно уходит от прямого регулирования данного вопроса⁵², предоставляя возможность сторонам по их желанию установить в соглашении обязанность сохранять конфиденциальность сведений, ставших известными сторонам в ходе арбитража, (ii) либо устанавливает правило о конфиденциальности только для внутренних арбитражных споров. Первый путь наиболее популярен во многом по причине того, что в большинстве стран был принят Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже, в котором этот вопрос подробно не урегулирован⁵³. По второму пути пошли законодатели Франции и России после проведения в обеих странах реформ. Согласно ст. 1464 (4) Нового гражданского процессуального кодекса Франции внутренний арбитраж является конфиденциальным в отсутствие соглашения сторон об обратном. Аналогичное регулирование предусмотрено ст. 21 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», но при этом ограничить конфиденциальность можно также по федеральному закону.

Среди наиболее лояльных правопорядков к условиям о конфиденциальности можно выделить Англию и Сингапур. Суды этих стран, как и других стран системы общего права, придерживаются точки зрения, что конфиденциальность арбитражного разбирательства подразумевается и вытекает из самой природы арбитража⁵⁴. Некоторые юрисдикции, как например Австралия или Швеция, напротив, не рассматривают конфиденциальность в качестве неотъемлемого элемента арбитража. В деле *Eso v. Plowman* Верховный суд Австралии высказал следующую позицию: передача дела для

⁵¹ Arbitration Ordinance, Cap. 609: URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap609> (дата обращения 20.09.2019) (цит. по Международный коммерческий арбитраж: Учебник ; выпуск 9 ; 2-е изд., перераб. и доп.; отв. ред. Т.А. Лунаева ; науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. М.: Статут, 2018).

⁵² Например, в Англии см. Английский Арбитражный акт (Arbitration Act) 1996 г.; в Швейцарии гл. 12 Закона «О международном частном праве» 1987 г.

⁵³ Smeureanu I.M. Confidentiality in International Commercial Arbitration. Kluwer Law International, 2011. P. 21.

⁵⁴ В Англии первые прецеденты в отношении конфиденциальности были установлены английскими судами в середине XVIII в. См., например: Решения по делам *Pope v. Curl* (1741), 2 Atk. 342; *Duke of Queensberry v. Shebbeare* (1758), 2 Eden 329; *Millar v. Taylor* (1769) 4 Bur. 2303; *Prince Albert v. Strange* (1849) 1 De G. & Sm. 652 и др.; В Сингапуре см., напр., решение Верховного суда Сингапура по делу *AAY and others v. AAZ* ([2009] SGHC 142).

рассмотрения в арбитражном разбирательстве сама по себе, без соответствующих соглашений сторон или законодательных запретов, не означает, что стороны арбитража обязаны сохранять конфиденциальность полученной в ходе рассмотрения дела информации⁵⁵.

Анализ регламентов арбитражных институтов показывает, что и здесь нет единообразия. Например, один из самых популярных регламентов в мире – Регламент International Chamber of Commerce не содержит положений о конфиденциальности вовсе⁵⁶. Те регламенты институциональных арбитражей, которые включили положения о конфиденциальности в свои тексты⁵⁷, делают это с разной степенью детализации. В ст. 46 Арбитражного регламента Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce говорится о простой необходимости сохранять конфиденциальность арбитражного разбирательства и арбитражного решения⁵⁸. В то же время ст. 28 Правил экспертного определения The German Arbitration Institute содержит подробнейшую регламентацию всех аспектов конфиденциальности.

Тем не менее, в МКА конфиденциальность практически всегда ограничена определенными пределами. Наиболее яркими примерами ограничения конфиденциальности являются обязательства публичных компаний перед акционерами по раскрытию информации, а также обязательства по разглашению информации в силу закона или по решению суда. Например, судья решает, что в деле имеется преобладающий интерес правосудия, который требует разглашения документов. Описанная ситуация может возникнуть, если совершено мошенническое действие, скрытое соглашением или правилами о конфиденциальности.

Еще одним существенным ограничением конфиденциальности является процедура признания и приведения в исполнение решений МКА в государственном суде. В литературе отмечается, что конфиденциальность решения находится в руках сторон до тех пор, пока стороны соблюдают арбитражное решение, собственным поведением и добровольным исполнением решения они сохраняют тайну своих отношений и обращения в арбитраж⁵⁹. В редких случаях, суды идут навстречу сторонам, предоставляя возможность осуществить оспаривание решения за закрытыми дверями⁶⁰. Как правило, стороны получают отказ в проведении закрытого слушания⁶¹.

Конфиденциальность арбитражного разбирательства едва ли можно назвать принципом МКА в силу неоднозначности подходов государств и арбитражных институтов к этому правовому институту. Стороны, которые нуждаются в конфиденциальности для сокрытия секретной или ценной информации, должны самостоятельно принять меры предосторожности, включив положение о конфиденциальности в арбитражную оговорку.

⁵⁵ Esso. Austl. Resources v. Plowman. [1994] 1 VR, 10-14., подробнее см. *Лашков Н.С.* Конфиденциальность арбитражного разбирательства. Понятие и пределы // Закон. 2015. № 10. С. 48–58

⁵⁶ 2017 Arbitration Rules and 2014 Mediation Rules (Russian version) // International Chamber Of Commerce. URL: <https://iccwbo.org/publication/2017-arbitration-rules-2014-mediation-rules-russian-version/> (дата обращения: 20.09.2019).

⁵⁷ См., например: Ст. 30 (6) Регламента LCIA; ст. 35 Регламента SIAC.

⁵⁸ Регламенты ТПС // The Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce. URL: <https://sccinstitute.com/ru/разрешение-споров/регламенты-тпс/> (дата обращения: 20.09.2019).

⁵⁹ Международный коммерческий арбитраж: Учебник ; выпуск 9 ; 2-е изд., перераб. и доп.; отв. ред. Т.А. Лунаева ; науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. М.: Статут, 2018. (авт. цитируемого комментария – И. П. Грешников) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁰ Например, суды Новой Зеландии см. *Sure Care Services Ltd. v. At Your Request. Franchise Group Ltd.* ([2010] 3 NZLR 102 (HC))

⁶¹ Определение АС г. Москвы от 09.07.2015 по делу № А40-66296/2015; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 20 марта 2015 г. по делу № А33-21695/2014 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Все чаще высказывается в научной литературе мнение, что принцип конфиденциальности в МКА заменит принцип прозрачности⁶². О существовании такой тенденции свидетельствуют Правила ЮНСИТРАЛ о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами на основе международных договоров, вступившие в силу в 2014 году⁶³. Реализация Правил прозрачности, по сути, сделает процесс в инвестиционном арбитраже публичным. Также нельзя оставлять без внимания тот факт, что все больше институциональных арбитражей переходят к практике публикации арбитражных решений, предварительно редактируя текст таким образом, чтобы не допустить идентификацию спора или сторон⁶⁴. Возможно, небезосновательно арбитражное сообщество говорит лишь о приватности арбитражного разбирательства, ведь конфиденциальность как общее правило перестает существовать.

Библиографический список:

1. Smeureanu I.M. Confidentiality in International Commercial Arbitration. Kluwer Law International, 2011. 240 p.
2. Грешников И.П. Особое мнение арбитра. В кн. Международный коммерческий арбитраж: Учебник ; выпуск 9 ; 2-е изд., перераб. и доп.; отв. ред. Т.А. Лунаева ; науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. М.: Статут, 2018.
3. Ерофеева Н.М. Приватность и конфиденциальность в международном коммерческом арбитраже // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №10. С. 186-187.
4. Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: постатейный, научно-практический»; под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского. М.: Статут, 2016. 353 с.
5. Кузнецов В.А. Тенденции развития международного коммерческого арбитража. В кн. Международный коммерческий арбитраж: Учебник ; выпуск 9 ; 2-е изд., перераб. и доп.; отв. ред. Т.А. Лунаева ; науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. М.: Статут, 2018.
6. Лашков Н.С. Конфиденциальность арбитражного разбирательства. Понятие и пределы // Закон. 2015. № 10. С. 48–58
7. Международный коммерческий арбитраж: Учебник ; выпуск 9 ; 2-е изд., перераб. и доп.; отв. ред. Т.А. Лунаева ; науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. М.: Статут, 2018. 965 с.

⁶² Лашков Н.С. Там же. С. 48–58; Кузнецов В.А. Тенденции развития международного коммерческого арбитража. В кн. Международный коммерческий арбитраж: Учебник ; выпуск 9 ; 2-е изд., перераб. и доп.; отв. ред. Т.А. Лунаева ; науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. М.: Статут, 2018.

⁶³ Правила о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами на основе международных договоров. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/rules-on-transparency-r.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

⁶⁴ Возможность опубликования предусмотрена Регламентами ИСС (ст. 1 (4) Прил. II), Лондонской ассоциации морских арбитров (ст. 26), Арбитражной палаты Милана (ст. 8), МЦУИС (ст. 48 (4)), а также VIAC (ст. 41).

ГРУППОВЫЕ ИСКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ, ПРОБЛЕМЫ, АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

ПЕТРУШЕВСКИЙ
Юрий Александрович

студент 2 курса Института правового консалтинга
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

✉ petrusevskylegal@gmail.com

Аннотация. В данной статье проводится анализ нового для гражданского процессуального права механизма защиты прав — группового иска. Для целей понимания общих принципов и назначения объекта исследования проведен сравнительный анализ использования группового иска в иностранных юрисдикциях. В работе рассматривается его применимость в судопроизводстве, перспективы внедрения, а также проблемы, возникающие в связи с его использованием. В частности, рассматривается вопрос о защите прав лица, не присоединившегося к групповому иску, и проблема защиты прав истцов от злоупотреблений со стороны представителя.

Ключевые слова: групповой иск, коллективный иск, ГПК, АПК, судебный штраф.

” **Для цитирования:** Петрушевский Ю.А. Групповые иски в гражданском процессе: перспективы, проблемы, анализ зарубежного опыта // Сфера права. 2020. № 1. С. 33–35

Одним из важных новшеств процессуального законодательства является появление частноправовых коллективных исков в гражданском процессе. Появление такого механизма защиты прав отражает общую тенденцию изменений в цивилистическом процессе — унификацию АПК и ГПК, а также борьбу с загруженностью судов.

Так, ГПК дополняется новой главой о групповых исках⁶⁵, которая по содержанию крайне схожа с аналогичной в АПК. Основным расхождением гражданского и арбитражного процессов является необходимое количество присоединившихся к иску, равное в гражданском процессе двадцати, а в арбитражном пяти лицам. Данное различие, вероятно, было предусмотрено законодателем в связи с различным назначением, для которого предусмотрен этот механизм. Например, распространенной формой конфликта, в которой целесообразно воспользоваться коллективным иском, является корпоративный спор. Заявителем может выступить один из миноритариев, с последующим присоединением к нему других акционеров, права которых также нарушаются ответчиком. В гражданском же процессе коллективный иск в правопорядках других стран зачастую используется для защиты прав группы субъектов, являющихся в правоотношениях слабой стороной. Например, для защиты прав потребителей, в трудовых спорах.

Коллективный (групповой) иск был внедрен английскими судами справедливости в 17 веке⁶⁶. В США он был введен в 1938 с принятием Федеральных правил гражданского судопроизводства, но получил распространение только после отмены правила о том, что его использование возможно только если исчерпаны все другие способы защиты права.

И на сегодняшний день, несмотря на наличие группового иска во многих странах континентальной правовой семьи, наиболее распространенным он является в

⁶⁵ Федеральный закон от 18 июля 2019 № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 22.07.2019. № 29 (часть I). Ст. 3858

⁶⁶ Вафин Я. Особенности судопроизводства по групповым искам в Англии // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. №8. С. 26.

государствах общего права. Более того, в научной доктрине существует мнение о том, что это наиболее действенный способ отстаивания прав и законных интересов неопределенного круга лиц в англо-саксонской правовой системе⁶⁷. В юридическом сообществе и в научных кругах отсутствует консенсус по поводу необходимости внедрения групповых исков в гражданском процессе и вида, в котором они должны существовать. Так, бывший председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А.А. Иванов является сторонником внедрения частнопроводных групповых исков по английскому образцу⁶⁸. Т.В. Сахнова в свою очередь отмечает необоснованность выделения группового иска в отдельный вид⁶⁹.

Существует два типа коллективных исков — opt-out и opt-in⁷⁰. Opt-out презюмирует вхождение потенциальных участников группы в состав, и для выхода из группы необходимо заявить об этом. Такая модель используется в США. Opt-in применяется в Великобритании, и предполагает участие в группе только в случае присоединения к иску. В российские процессуальные законодательства используется английский вариант.

Для подачи искового заявления в интересах группы лиц в рамках гражданского процесса потребуется соблюдение следующих условий⁷¹:

- 1) имеется общий по отношению к каждому члену группы лиц ответчик;
- 2) предметом спора являются общие либо однородные права и законные интересы членов группы лиц;
- 3) в основании прав членов группы лиц и обязанностей ответчика лежат схожие фактические обстоятельства;
- 4) использование всеми членами группы лиц одинакового способа защиты своих прав.

Говоря о недостатках коллективных исков в гражданском процессе в их нынешнем виде, следует отметить, во-первых, тот факт, что при несоответствии искового заявления любому, пусть и одному из указанных выше требований, суд перейдет к рассмотрению по правилам искового производства. Ранее в АПК РФ была предусмотрена лишь необходимость доказать, что истцы участвуют в одном правоотношении.

Далее следует тот факт, что законодатель пока не регламентировал вопрос исполнения судебных актов по данному виду исков. Решением может стать введение в ФЗ «Об исполнительном производстве» упрощенного порядка возбуждения сводного исполнительного производства по одному исполнительному листу в пользу группы лиц.

В соответствии с ч.4 ст. 244.5 ГПК РФ производство по делу лица, которое не присоединится к общему иску, будет приостановлено до вступления в законную силу решения по делу в рамках коллективного иска. Данная норма может негативно повлиять на доступность правосудия и право на рассмотрение дела в разумные сроки, например, для несогласных с позицией представителя группы в рамках коллективного иска.

Что касается представителя, то проблемой является малый размер штрафов для недобросовестного представителя. Учитывая тот факт, что представляемыми в производстве по групповому иску являются как минимум двадцать лиц, размер, ограниченный рамками 100 000 рублей для государственного органа, 50 000 рублей для

⁶⁷ Оскве К. Классовый иск в современном американском гражданском процессе // Защита прав и законных интересов граждан и организаций: материалы Международной научно-практической конференции. Сочи. Ч.1 2002. №3 С. 69–81.

⁶⁸ Интервью Иванова А.А. Суды должны научиться понимать истинную цель сделок // газета «Время новостей». № 218 (1375). 23.11.2005. URL: <http://www.vremya.ru/2005/218/13/139704.html> (дата обращения: 15.09.2019).

⁶⁹ Сахнова Т.В. Курс Гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М., 2008. С. 311

⁷⁰ Scott Dodson, An Opt-In Option for Class Actions, 115 Mich. L. Rev. 171 (2016). // URL: <http://repository.law.umich.edu/mlr/vol115/iss2/1> (дата обращения: 15.09.2019).

⁷¹ Федеральный закон от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

юридического лица и, особенно, 10 000 рублей для гражданина, представляется крайне несерьезным. Здесь также следует учитывать назначение групповых исков в гражданском процессе. Так, в США они зачастую применяются для защиты прав пострадавших от злоупотреблений на рынке ценных бумаг, при авариях транспортных средств, потребителей препаратов, имеющих побочные свойства⁷². И в таких делах малый размер судебного штрафа, в ситуации, когда ответчиком выступает крупная компания, для действующего в интересах группы лица выглядит крайне заманчивой возможностью бездействовать либо злоупотреблять своими процессуальными правами при сговоре с ответчиком.

Таким образом, на основе всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что введение группового иска в гражданский процесс является полезной мерой, позволяющей разгрузить судопроизводство, избавиться от огромного количества однотипных исков, сэкономить средства истцов, объединив их требования, повысив таким образом доступность правосудия для слабых групп граждан. В то же время, в нынешнем виде коллективный иск не лишен недостатков, часть из которых, как например отсутствие регламентации исполнения судебных актов, будет исправлена в ближайшее время.

Библиографический список:

1. Scott Dodson, An Opt-In Option for Class Actions, 115 Mich. L. Rev. 171 (2016). P. 172–213
2. White M.J. Absestos Litigation: Procedural Innovations and Forum Shopping // The Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 35 (2) P. 365-398.
3. Вафин Я. Особенности судопроизводства по групповым искам в Англии // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. №8. С. 33–35.
4. Оскаве К. Классовый иск в современном американском гражданском процессе // Защита прав и законных интересов граждан и организаций: материалы Международной научно-практической конференции. Сочи. Ч.1 2002. №3 С. 69–81.
5. Сахнова Т.В. Курс Гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М., 2008. 696 с.

⁷² White M.J. Absestos Litigation: Procedural Innovations and Forum Shopping // The Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 35 (2) P. 365-369.